

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XVI

Лазарь лежал на ложе из мешковины, набитой сеном; однако его мысли были где-то в другом месте — в своих знакомом, но безграничном множестве снов. И он прекрасно понимал, что, если сон перерастет в кошмар, он легко сможет привести себя в чувство и создать более приятный мир сновидений. Однако, возможно, в результате странного поворота в его восприятии, Лазарус понял, что единственный кошмар, от которого можно пробудиться, — это реальность его заточения за грубой дверью. С этим он погрузился еще глубже в свой сон. В конце концов, он сидел один на вершине травянистого холма, слушал пение птиц и грелся в тепле летнего солнца.

Яркий зеленый цвет на фоне глубокого синего — холмистая местность и бескрайнее небо простирались во всех направлениях. Оглядевшись, он лишь заметил замок, возвышающийся на холме прямо позади него. Узкое и широкое сооружение взмывало в небо, прорезая зеленый и синий горизонт ослепительно белым цветом. Многочисленные грани его ступенчатых и террасных стен казались совершенно гладкими, без окон и дверей. Он поднялся на ноги и направился к замку, лишь однажды оглянувшись назад, словно надеясь случайно увидеть свое тело, все еще спящее в соломенной постели, пока он отходил от замка.

Приближаясь к узкой стороне здания, он обнаружил единственную белую дверь, едва различимую по теневой трещине, тянущейся по периметру дверного проема. Лазарус открыл дверь, и перед ним предстал темный коридор, ведущий внутрь. Подобно коридорам Бениона в аббатстве.

Туннель, его стены были катакомбо-серыми и блестели от влаги; тот же сладкий запах гнили витал в сыром воздухе. Любопытство пробудило его, и он крался вперед. Зрачки его постоянно расширялись, он следил за изгибами неосвещенного коридора. Ноги его были словно лед по влажным каменным плитам. Завернув за очередной угол, он замер и насторожил уши, прислушиваясь к далеким, эхом раздающимся крикам. Перед ним виднелся освещенный участок. Флаги, мягко светясь, манили его.

Для Лазаря это был всего лишь сон — он пошёл на свет и обнаружил вход. Выглянув из-за угла, он увидел большую комнату, полную людей. Он вошёл внутрь, не привлекая к себе внимания, и огляделся вокруг — словно его присутствие никак не влияло на происходящее в комнате. Он внимательно осмотрел окрестности: полуобнажённые солдаты с широкими мечами выстроились вдоль освещённых факелами стен; а перед ним, за столом, похожим на алтарь, стоял человек в плаще и капюшоне, держащий трость. Рядом с ним стояла высокая трость. Лазарь мгновенно понял, что это какой-то священник. Лазарь искал едва заметные черты, которые могли бы выдать его лицо, но обнаружил лишь темную тень под капюшоном. Однако поверхность каменного стола была отчетливо видна. Видно было его обгоревшее и потемневшее лицо, возможно, выдававшее следы частых пожаров. Оно было черным — даже чернее, чем слой покрытой сажей резьбы, когда-то украшавший стены катакомб аббатства. Он посмотрел за алтарь, на человека, внезапно появившегося рядом со священником, представшего крупным, обнаженным и неопрятным, пристально разглядывающим Лазаря.

«Выведите его!» — крикнул священник в сторону входа.

Эльджо резко обернулся и увидел двух наспех приближающихся солдат, втащивших в комнату истощенного и обнаженного пленника. Лазарус отступил назад и склонил голову, пытаясь понять смысл продолжающегося отчаяния вспотевшего мужчины. И он действительно был в ярости от своих похитителей: брыкался, блеял, пенился изо рта, закатывал глаза и размахивал руками. костлявая и безволосая голова. Двое солдат остановили мужчину посреди комнаты, заставили его встать на колени и, растянув его руки в стороны, уложили его на место. «Его нужно исправить», — воскликнул священник без лица, стуча тростью по каменному полу.

«Все исправлено?» — спросил Лазарь.

Священник повернулся и сказал ему: «Его нужно исправить».

Лазарь посмотрел на неопрятного мужчину рядом со священником, который лишь кивнул, не отводя от него холодного взгляда. Лазарь отвернулся и вслух спросил: «Исправился?» Но прежде чем он успел встретиться взглядом с дикарем, здоровенный солдат взмахнул широким мечом и отрубил мужчине голову, отчего она покатилась по полу рядом с Лазарем. Тот отскочил в сторону, переводя взгляд с одинокой головы на безжизненное туловище, которое два солдата все еще крепко держали.

В тот же миг в комнату вошли два тучных карлика, одетых в звериные шкуры. Один нёс изогнутый разделочный нож, а другой — каменный молоток и длинный железный гвоздь. Карлик с ножом бросился к трупу и начал отрезать куски плоти от обрубка шеи, выравнивая угловатый срез широкого меча. Другой невысокий мужчина взял голову мёртвого и отнёс её к задней части туловища.

Затем два гнома действовали как одно целое; первый согнулся и уперся руками в колени, позволяя второму забраться ему на спину, все еще держа в руках голову и молот. Верхний гном положил голову назад на туловище, открыл ей пасть и пронзил железным шипом язык, надежно закрепив голову на теле. И так же быстро, как они появились, два гнома покинули комнату.

Оцепеневший Лазарь отвернулся от увиденного и стал расспрашивать священника. "Почему?"

На что священник спокойно ответил: «Он был дьяволом, он был сломлен, но теперь он исцелен».

«Починили? Нет, он сломан!» — крикнул Лазарь. — «Он мертв!»

«Его больше не тревожат его необузданные страсти, — объяснил священник. — Он в мире с самим собой. Теперь он обрести душевное равновесие».

«У него голова вывернута назад! Как его исправить?»

На мгновение безликий священник лишь смотрел на Лазаря. Затем он кивнул из-под капюшона и обратился к нему: «Вижу, что и ты сокрушен безумной страстью». Он указал на Лазаря и повернулся к солдатам. «Исцелите и его».

Крупный солдат с окровавленным мечом шагнул к нему, но Лазарус медленно отступил, заикаясь: «Нет; я уже исцелен. То есть, я не ...»

Лазарус развернулся и выбежал из комнаты, мчась по черному коридору, откуда пришел, и внезапно обнаружил, что некогда знакомые изгибы и повороты коридора изменились. С каждым закругленным углом, с каждым разветвляющимся проходом расходились все новые артерии, словно коридор разрастался в паутину туннелей, образующих в итоге непреодолимый черный лабиринт. И каждый новый проход, казалось, включал в себя еще больше ступеней, чем предыдущий, словно каждое их направление вело его все выше и глубже в огромный белый замок. И как раз в тот момент, когда он вспомнил торопливые шаги и крики солдат, преследуемых по катакомбам аб... Теперь он слышал похожие звуки преследующих его охранников. Однако в глубине души он понимал, что это всего лишь сон, поскольку его тело находилось в другом месте — где-то в стороне от него — запертое за грубой дверью, в мертвой тишине, неподвижно покоившееся, словно труп в склепе Бастона.

Тем не менее, Лазарус, оглянувшись за угол, обнаружил грубую дверь, обнесённую железными ремнями, через которую он быстро проскользнул и заперся внутри, несмотря на то, что целая толпа... Мимо него хлынули солдаты, их шаги постепенно затихали вдали. Лазарь прислонился к двери и вздохнул.

«Вам здесь не место», — прошептал за его спиной хриплый голос.

Испуганный Лазарь быстро обернулся. Перед ним, в маленькой, запертой и захламленной комнате, Мужчина лежал на кровати с изголовьем, накрывшись простыней, так что виднелась только его голова. А под ней... В свете стоящей рядом керосиновой лампы Лазарус разглядел знакомые черты лица мужчины .

«Как ты мог быть одновременно и здесь, и там?» — спросил Лазарь, указывая в даль. направление, откуда он пришел.

«О нет, это был не я. Мы очень похожи друг на друга внешне», — произнес мужчина болезненным и глухим голосом. «Это мой злой брат, которого ты видел стоящим рядом со священником. И он убьет тебя, когда найдет. Здесь небезопасно. Он придет; он всегда сюда приходит». Он закашлялся, отрывая и стоная, и еще сильнее прижал простыню к шее, словно внезапно замерз до костей.

«Что с тобой случилось?» — спросил Лазарь, выходя вперед.

«Вы добры, юный господин. Мне сейчас лучше — лучше, чем было. И всё же вы должны уйти, иначе он придёт за вами, как пришёл за мной».

Лазарь повернулся к двери, намереваясь уйти, когда услышал усиливающийся топот тяжелых шагов, а возможно, и те же самые звуки, что издавали солдаты, от которых он когда-то ускользнул. Он подошел к мужчине, осматривая комнату. «Есть ли другой выход отсюда?»

— Ты должен спрятаться, — ответил мужчина, — Он пришел за нами! Он перевернулся на другую сторону кровати и выпрямился, повернувшись бледной спиной к Лазарю, оглянулся через плечо и отчитал его. — Тебе не место здесь, ты не должен будить меня! А ты здесь!

Снаружи раздавались крики; дверь дребезжала, словно от ударов кулаков.

«Теперь я должен спрятать тебя от него! Иди сюда!» — воскликнул он, вставая на ноги и поворачиваясь. И когда обнаженный мужчина повернулся лицом к Лазарю, Эльо почувствовал, будто его внутренности расплавились; весь торс мужчины был совершенно пустым и выпотрошенным . От его органов — пустое пространство открывало лишь ребристую и зияющую матку из красной ткани , которая блестела в свете лампы в комнате . Пустотелый мужчина метался по кровати и указывал в свою полость. «Спешите! Вы должны спрятаться!»

Лазарус отступил от него, несмотря на непрекращающийся стук в дверь. «Там, внутри?» Нет; покажите мне другое место.

«Другого пути нет! Заходи же, и я спасу тебя от него!»

Казалось, будто дверные доски дребезжали от грохота целой армии;

Лазарус уступил, погружаясь всем своим существом в тёплое и влажное пространство тела мужчины.

Оказавшись внутри, Лазарь мог бы выглядеть как сумчатое животное в сумке матери, выглядывающее из-под панциря. Теперь же, оказавшись внутри, Лазарь, внешне выпирающий из-под панциря, повернулся и шагнул к задней стене комнаты, подойдя к единственному открытому окну, из которого открывался вид на ночное небо.

«Но окна на стене я не увидел», — заметил Лазарь. «И дневного света больше нет? Как такое может быть?»

«Замолчи», — прошептал мужчина, — «А то он нас обнаружит! Мы спрячемся за окном, и он может сделать комнату пустой». И когда мужчина, перегнувшись через подоконник, увидел землю, которая казалась ему такой же далекой, как и вся высота лестницы.

что он ранее поднялся наверх, прежде чем найти пустую комнату. «Мы повесимся, чтобы нас никто не увидел. Он никого внутри не обнаружит и продолжит поиски в другом месте», — добавил мужчина, опускаясь и вися на внешней стене замка, удерживаясь от падения лишь пальцами.

«В другом месте?» — спросил Лазарь, пошевелившись, и почувствовал, как его крылья намертво прижались к ребрам мужчины.

«Успокойся! Тише!» — прошипел мужчина, когда звук захлопнувшейся двери дал понять, что злой брат успешно проник внутрь.

Лазарь затаил дыхание, услышав резкие слова злого двойника доброго человека: «Арестуйте его; никаких мечей! Мне нужен этот сломленный мальчик — невредимый!» — что для него было... Тот самый голос человека, которого звали капитаном Борном.

Слыша хаос за окном, Лазарю могло показаться, будто солдаты обыскали каждый уголок комнаты. Затем наступила тишина, наводившая на мысль, что поисковая группа, возможно, двинулась дальше.

Внезапно сверху раздался угрожающий голос капитана Борна: «Итак, вот ты где, с Ионой в животе».

«Нельзя! Умоляю тебя, брат! Помоги мне забраться в окно! Я не могу удержать их обоих!» нас!"

«Пора, брат. Ты не совсем в порядке — с тобой что-то не так».

«Помогите мне! Я падаю...»

Лазарь высунул руку из опустошенного человека, пытаясь ухватиться за выступ, но тот от него отдалился. Он рухнул вниз, все еще застряв в клетке из ребер.

Бах! Он с силой ударился о землю, даже пытаясь перехватить дыхание; однако он выполз из истерзанной оболочки человека, пытаясь поднять его. «Мы должны

«Бегите! Спешите!» Но добрый человек был мертв. Лазарь остановился, чтобы обдумать ужасное событие. Эти события воспринимались им лишь как предвестники кошмара — и, возможно, он мог бы избежать этого момента, как-нибудь проснувшись сам.

«ГРРР!» Лазарь обернулся и увидел рядом с собой большую рыжую собаку, которая гналась за своим хвостом. Он медленно поднялся, и лохматое чудовище внезапно остановилось и повернулось, словно вдруг обратив на него внимание. Затем оно подкралось и остановилось. Под светом звёзд Лазарь увидел его болезненные черты: глаза слезились, изо рта шла пена, ноги дрожали, а багряная шерсть казалась жирной и слипшейся. Это было похоже на четвероногое чудовище, которое отказывалось принять себя. Чудовище, словно сошедшее с ума, умоляло Лазаря, показывая сломанные и истлевшие клыки: «Добрый господин, я должен поцеловать вас в шею. Умоляю вас, пожалуйста, помогите мне». «Быть здоровым».

«Я... простите меня; я... не могу», — пробормотал Лазарус, отступая назад и удаляясь от явно умирающей собаки. Он огляделся и обнаружил себя на одиноком холме, где не было и следа белого замка. Деревьев тоже не было; ничего не промелькнуло, кроме пейзажа из, казалось бы, бесконечных холмов, простирающихся под раскинувшимся черным небом, — и большого зверя перед ним.

«Но ты должен», — настаивало животное про себя. Оно, хромя, приблизилось, сокращая расстояние между ними и обнажая все больше своих гнилых зубов. «Мне нужен всего лишь один поцелуй». Вы должны мне доверять; я буду добр к вам.

Лазарус покачал головой. «Нет, я не могу. С тобой что-то не так — и с тем, что ты от меня просишь».

«Ничего страшного. Один поцелуй — и я выздоровею».

«А что же со мной будет потом?» — спросил Лазарь, быстро отступая назад.

Зверь побежал за ним, размышляя вслух: «Пожалуйста, одолжите мне свою шею за простой поцелуй, любезный господин».

Лазарь развернулся и бросился прочь. Он взмыл в воздух и расправил крылья, направляясь к вечернему небу.

Смертоносный пёс следовал за ним; он не бросился бежать, а продолжал рысью идти вплотную позади, повторяя про себя: «Ваша шея, сэр?»

Лазарь взмахнул крыльями, но не набрал высоты. Снова и снова он выпрыгивал из крыльев, отчаянно дергался.

Он расправил крылья и снова встал на ноги, сам выходя как птица с подрезанными крыльями, пытающаяся взлететь. Лазарю показалось, что воздух потерял натяжение, сделав его крылья неспособными к значительному подъёму. И он украдкой оглянулся назад, чтобы увидеть собаку. Однако зверь все еще следовал за ним, но теперь он переступил на задние лапы и шел прямо.

«Ваша шея, сэр?!»

Лазарь сложил крылья и помчался во весь опор. Он бежал по холмам от чудовищного зверя, но не продвигался вперед — словно воздух превратился в гель, или будто он шел по воде. Он не нашел ни укромного места, чтобы спрятаться, ни прямой тропы, поскольку земля простиралась бесконечно, неровно и во всех направлениях. И для него...

Больше всего его тревожила мысль, что он не спит — что он не может просто проснуться от этого момента, который во всех отношениях казался непрекращающимся кошмаром.

Он снова обернулся и обнаружил, что прямоходящий пёс превратился в того самого священника в капюшоне, которого он помнил по белому замку.

«Ваша шея, сэр?» — окликнул священник, преследуя его с высокой тростью. «Почините» мне!"

«Нет!» — выплюнул Лазарь. «Оставьте меня в покое!»

«Нет!» — повторил мужчина в плаще. «Исправьте меня!»

Не спеша, Лазарус увидел, как мужчина откинул капюшон, открыв знакомое лицо. Также принадлежало братьям-близнецам — теперь их было трое.

Он рванулся вперед, наклоняясь навстречу ветру, который был подобен воде, пока его руки почти не коснулись земли. Затем он схватился за траву и, подтягиваясь, побежал, используя руки как две ноги. С каждым новым движением ног он царапал землю пальцами, всё быстрее и быстрее подтягивая её под себя. Он оглянулся и заметил, что между ним и священником увеличивается расстояние. Затем он рванулся вперед, крепко усевшись на четвереньки, и помчался через холмы, прокладывая себе путь вперед, но тут же заметил резкое изменение в чертах своего лица — длинная морда торчала ему в поле зрения. И, словно дикая собака, он полетел навстречу ветру.

ТУК-БАХ! Лазарус вскочил с постели, когда комнату заполнили факелы и вооруженные солдаты, окружившие его. И в результате неясного, но стремительного события Лазарус оказался связанным и быстро вынесенным из комнаты. Мужчины потащили его по коридору, который вел дальше от двери в яму, к сердцу замка.

Ряды готовых к бою солдат выстроились вдоль его пути по непрерывному коридору, вверх по извилистой лестнице и в более широкий коридор на втором этаже. Его сопровождающие провели Лазаря через арочный вход. По пути запах сена, пота, мочи и крови становился все более отчетливым; и Лазарь сморщил свой эльжо-нос.

Наконец он увидел, как стены обрушились, открыв взору огромное помещение — большой зал с высокими стенами и сводчатым потолком. Мужчины отвели его в центр зала и

Ему было приказано оставаться там, пока они присоединялись к своим товарищам-солдатам, стоявшим у стен по периметру. Появление Лазаря вызвало волну шепота и вздохов, разнесшихся по всему залу; множество звуков слились в один, который мог бы... напоминало непрекращающееся шипение чудовищной змеи. Лазарь осмотрел большой зал и собравшиеся массы.

Слева от него, перед рядом арок, толпились обезумевшие женщины и испуганные дети. В их компании он заметил знакомое лицо камердинера, который пришел ему прислуживать, но вместо этого отослал его с мясом. Однако он не увидел прачку и трех ее служанок. А за слугами и детьми он заметил ряд солдат, вытягивавших головы, чтобы лучше его рассмотреть.

Перед ним от стены отходила возвышенная, похожая на сцену платформа, на которой, выстроившись в хор, стояли и сидели несколько рядов мужчин. Некоторые были рыцарями в парадных доспехах, другие — в облачениях сановников; однако большинство были одеты в скромную одежду. Перед ними на платформе стоял длинный многоногий стол. Потрепанная и скомканная скатерть покрывала треть его столешницы, излишки свисали на каменные плиты. Коричневые пятна и разводы на скатерти свидетельствовали о разбрызганной крови от мечей. Открытая часть столешницы была завалена шлемами, клинками и прочим хламом.

Справа от вождя стола сидел мужчина на искусно вырезанном и частично сломанном стуле. Скрестив ноги, подняв ступни и поставив окровавленные сапоги на стол, Лазарус своим властным видом и пронзительным взглядом олицетворял собой абсолютного лидера. Власть — он был единственным мужчиной, сидевшим за столом. Этот человек был довольно высокого роста. У него были широко расставленные глаза, широкие щеки и густая борода. Его густые волосы плотно прилегали к голове, словно сдавленные потным шлемом. На правой руке у него была повязка, а в здоровой руке он держал пергамент. В целом, его осанка и поведение говорили о человеке, которого беспокоили внезапные отвлечения, прерывавшие его мысли.

Справа от него ряды готовых к стрельбе из арбалетов выстроились перед массивными, равномерно расположенными деревянными колоннами, которые обрамляли высокую стену. В центре стены располагался большой вход; его обшивка и двойные двери с железными ремнями были покосившимися и выгнутыми. Двери были неровно закрыты, позволяя Лазарю мельком увидеть ночное небо; и он заметил самую верхнюю из Изгиб полумесяца, который смотрел на него с вершины крепостной стены.

«Никогда еще небо не казалось таким близким и одновременно таким далеким», — заключил он.

Он оглянулся назад, в сторону входа в коридор, откуда вышел, и увидел это.

Стена была также переполнена солдатами; однако прилегающая задняя стена оставалась без охраны, а у её основания были лишь навалены мешковины, набитая сеном. На лицевой стороне стены... На стене висели старинные гобелены, вышитые красочными эмблемами и гербами. Однако гобелены были расположены настолько симметрично, что между ними оставалось пустое место — область, которая, казалось, просто напрашивалась на закрытие, поскольку это был участок стеновых камней более светлого цвета.

«Лазарь Гогу; так ты говоришь?»

Лазарь обернулся и увидел, что человек теперь стоит, и пергамент все еще находится у него в руке.

«Я — лорд Хьюгон, царствующий над этими землями».

«Мой господин», — Лазарус кивнул ему в знак приветствия. Он поднял голову, чтобы увидеть Хьюгона, рассматривая пергамент пристальным взглядом.

Читая, Лазарь увидел, как тот наклонил голову, поджал губы и поднял бровь, поднял голову и бросил на него взгляд.

На что Лазарус кивнул и коротко ответил: «Милорд».

«Так вы говорите», — протрубил Югон. Он обернулся и вызвал из шеренги, напоминающей хор, сановника в мантии. Когда тот устроился за столом, Югон Указывая пергаментом на Лазаря, он добавил: «И я это увижу».

Лазарь наблюдал, как мужчина средних лет, ухоженный и аккуратно сложенный, положил на стол стопку нового пергамента. Одетый в мантию, мужчина поставил рядом с ней несколько чернильниц с готовыми перьями, после чего принялся за сложную сборку треножника, похожего на латунный. Лазарь вздохнул и украдкой взглянул на потрепанные двери зала и на обнаженную луну.

«Выходите вперед, медленно», — приказал Хьюгон.

Лазарь подошел, но Гугон остановил его, протянув руку и сказав: «Оставайся здесь».

Лазарь подчинился и снова обратил внимание на тщательную подготовку металлического аппарата, которую проводил мужчина. Необычное устройство высотой чуть более фута стояло на трех развернутых ножках; внутри его рамы вертикально располагалась неподвижная вогнутая латунная тарелка диаметром чуть менее фута. Лазарь заметил блестящую внутреннюю поверхность тарелки, которая сияла, как тонкое латунное зеркало; вся ее поверхность мерцала, за исключением тонкой, непрерывной и неполированной полосы по периметру, на которой, казалось, были выгравированы детальные узоры. Мужчина закрепил диск на кронштейнах и, регулируя горизонтальный и вертикальный наклон объекта с помощью ряда установленных рычагов, Лазарь изучал его необработанную обратную сторону. На поверхности была большая витиеватая гравировка — изображение крылатого змея, свернувшегося сам в кольцо и поедающего собственный хвост.

Однако сложность и необычная конструкция устройства не ограничивались только тарелкой . Две ножки штатива, расположенного ближе всего к человеку, поддерживали подвешенную и выступающую полку, на которой находился небольшой отражающий корпус со сдвижной заслонкой. Мужчина поставил внутрь зажжённую свечу. Он отрегулировал затвор, сфокусировавшись на латунном зеркале, пока Лазарь не увидел, как лицо мужчины засияло в отражении пламени . Затем мужчина Он повернулся к Хьюгону и кивнул, сверкнув глазами; однако он поднял палец, словно давая понять, что ему нужно еще немного времени на подготовку.

Взгляд Лазаруса также обратился к Хьюгону; однако, пройдясь по его лицу, он узнал знакомое лицо в тесной группе людей за столом — и вместе с ним неожиданно холодный и отстраненный взгляд самого лорда Д'Альсикура. Лазарус встретился с ним взглядом, возможно, в надежде увидеть в нем проблеск готовности помочь. Однако Д'Альсикур лишь смотрел на него из-за плеча другого сидящего мужчины, не предлагая Лазарусу ничего, кроме пустого взгляда.

Хьюгон, тряся пергамент, бросил вызов Лазарю: «В моей руке запись твоих слов. Ты называешь себя Лазарем Гогу и летающим христианином». Хьюгон нахмурился и кивнул. «Посмотрим».

«Лорд Д'Альсикур», — крикнул Лазарь в сторону свергнутого лорда. «Если вам угодно, милорд, прошу вашей помощи». Однако Д'Альсикур так и не показался.

«Заткнись!» — взревел Хьюгон, бросив пергамент на стол и спрыгнув с возвышенной платформы. Он бросился на Лазаря, выхватив кинжал. Лазарус затаил дыхание, когда Хьюгон приставил клинок к его горлу.

Слова Хьюгона разнеслись по всему залу: «Я — единственный правитель этих земель!»

Ещё одно произнесение имени Его, и голова твоя окажется у ног Моих! Собираешь ли ты Меня?

Лазарь сглотнул и кивнул. «Простите меня, милорд».

«Только на этот раз», — строго ответил Югон. «Я не прощу такого оскорбления, кроме как один раз».

«Вы милосердны, милорд», — заявил Лазарус, опустив взгляд на клинок в руке Хьюгона.

Хьюгон вытащил нож, проворчав: «В самом деле, я здесь; но не с теми, кто мог бы замышлять убить меня во сне». Он схватил Лазаря за руку и повёл его к человеку в одежде и его странному медному оружию, спрашивая при этом: «Ваше блюдо готово?» «Еще минутку», — предложил мужчина, прежде чем поправить Хьюгона с сильным итальянским акцентом: «Лунное окно, милорд, это не блюдо».

«Поторопитесь!» — рявкнул Югон, обращаясь к Лазарю. — «Мне нужно это знать».

Он пристально взгляделся в глаза Лазаря и вслух воскликнул: «Поистине синие, как самое глубокое море». Он постучал клинком по щеке Лазаря . «Открой».

Лазарь открыл рот.

«И какие у тебя большие зубы — как у волков». Он постучал клинком по клыку, когда Лазарус отскочил назад и сжал губы. «Воистину, так и есть». Хьюгон усмехнулся, глядя на нахмурившегося Лазаруса, и шагнул к нему.

Лазарь наблюдал за ним краем глаза.

Хьюгон осторожно провел кинжалом по пряди черных волос, обнажив опущенное ухо Лазаруса . «Что это за странные уши: кошачьи, собачьи или демонические?»

«Кристиан, милорд», — защищался Лазарь.

— Как вы и сказали, — ответил Хьюгон, теперь кружа за ним. — А эти чудовищные крылья — принадлежащие какой птице, летучей мыши или зверю?

«Летающий человек, милорд, — ответил Лазарь. — Я — летающий человек-христианин».

«Так вы говорите; однако я видел такие крылья только в схематичных описаниях демонов и драконов. Они лишены перьев и не обладают той красотой, которой обладают крылья ангелов».

И я никогда не видел схематичного изображения летающего христианина». Хьюгон наклонился к нему и прошептал: «Что ты на это скажешь?»

Лазарь сжал челюсти, повернулся и обратился к Гугону: «Если вам угодно, милорд, вы могли бы попросить кого-нибудь нарисовать мой портрет».

Внезапно Хьюгон отступил, поднял и опустил свой клинок, усмехнулся и кивнул, признав: «И умён, кстати. Однако мне было бы ещё приятнее, если бы вы ... любезно расправили свои крылья».

Лазарь вздохнул и расправил крылья; и весь зал ахнул.

«Тишина!» — рывкнул Хьюгон, не в силах оторвать глаз от Лазаря. Он отступил назад и, вглядываясь в внушительный размах его крыльев, покачал головой. «Воистину, это не крылья ангела — слишком зверские, даже ужасные».

Лазарь расправил крылья, когда Хьюгон облетел его и выглянул из-за стола, и Он направился в сторону частично одетого рыцаря и спросил его: «Вы нашли епископа и писца?»

«Нет, милорд, — грубо ответил солдат . — И их не было среди погибших».

Хьюгон кивнул и с явным разочарованием повернулся к Лазарю. Он откашлялся , быстро подошел к Лазарю и скрестил руки в вызывающем жесте. «В протоколе, составленном под присягой, ты утверждал, что способен летать без отдыха полвечера».

«Да, милорд».

Хьюгон прищурился и наклонился вперед, добавив: «Что заставляет меня спросить: почему ты сказал „на полвечера“, а не „на полдня“?» Хьюгон наклонился к Лазарю.

Находясь так близко, Лазарус чувствовал дыхание Лазарус. Хьюгон потянул за кожаный кулон Лазарус, обнажив деревянный молитвенный крест из-под черной блузки. «Есть ли что-нибудь, что может помешать тебе летать при свете дня?» Он потер крест между пальцами, пристально глядя в глаза Лазарусу, ожидая... ответ.

Лазарус отвел взгляд, прежде чем задумчиво ответить: «Прохладное небо вечером больше подходит для полетов, милорд».

Хьюгон, поджав губы, обдумал его ответ, прежде чем кивнуть. «И я полагаю, летать — дело непростое; так же, как некоторые сражения лучше вести под луной». Затем он пристально посмотрел на Лазаря и продолжил: «И так же, как некоторых людей лучше всего убить в тишине сна».

«Возможно, как вы и говорите, милорд», — предложил Лазарь.

Хьюгон отпустил молитвенный крест, отступил назад и сверкнул кинжалом. «Поднимите руки».

Лазарь сжал челюсти, когда Хьюгон перерезал веревку, связывавшую его запястья, и сказал: «У тебя зубы демона, дьявольские уши, крылья дракона и холодный синий взгляд, исходящий из твоих глаз, словно ледяное море».

Веревка соскользнула и запуталась на полу.

«Господи, я христианин, летающий ...»

«Посмотрим!» — воскликнул Хьюгон.

Лазарь наклонил голову.

Хьюгон заметил: «Я освобождаю вас от оков не из доверия или доброты».

«Милорд?»

Хьюгон объяснил: «Пока демон связан, он будет говорить и делать всё, чтобы освободиться. Теперь вы вольны говорить и действовать передо мной так, как пожелаете». Хьюгон убрал свой клинок и протянул пустые руки. «Если вы хотите убить меня, ваше время пришло».

Лазарус украдкой взглянул за спину Хьюгона и заметил, что Д'Альсикур все еще прячется за другими мужчинами. Затем он обратился к Хьюгону: «Я не желаю никому причинить вреда, милорд».

«Неважно, ваши желания или слова, — возразил Хьюгон, взяв Лазаря за руку и придвинув его еще ближе к человеку в мантии за столом, — я пойму ваши истинные намерения».

«С лунной пластины». Он спросил мужчину: «Вы готовы?»

«Почти, милорд», — ответил мужчина, прежде чем осмотреть конструкцию и прошептать Хьюгону: «Это не лунная тарелка, не оконное блюдо, не оконная тарелка».

Это лунное окно.

Хьюгон отмахнулся от него раздраженным взмахом руки. «Вот именно! Делай, что считаешь нужным; я

«Теперь приведи к себе крылатого человека».

«Лунное окно, милорд?» — спросил Лазарус.

Хьюгон испепеляющим взглядом посмотрел на него. «В самом деле. Единственное истинное божественное око судьбы — место, где навсегда запечатлены жизни людей, которые еще не жили, и очертания еще не родившихся царств».

«в камне». Жестом и открытой ладонью Югон представил Лазаря человеку в одежде:

«Позвольте мне познакомить вас с моим чудесным астрологом и жрецом, Альбеардом де Эльхози. Как пророк пророков и мой личный провидец, Альбеард — это тот человек, который видел, как вы прокрались в окно моей башни и убили меня кинжалом, пока я спал».

Лазарь сжал челюсти, закрыл глаза и обдумал, казалось бы, абсурдное обвинение. И в ходе своих кратких размышлений он понял, что кто-то сообщил Хьюгону о Предложенный план, в который входили он сам, кинжал и окно башни. Он посмотрел в сторону Д'Альсикура; его глаза искали его; однако свергнутый лорд оставался скрытым в толпе. Он оглядел слуг, ища в толпе еще одно знакомое лицо; но не нашел ни следа своего камердинера. Точно так же он не заметил среди них прачку или ее служанок. Лазарь вздохнул и защищался, ссылаясь на очевидное: «Однако вы не мертвы, милорд. И я с момента своего прибытия нахожусь под постоянной охраной. Я не мог совершить подобного поступка».

Хьюгон усмехнулся и кивнул. «Ах, но ты же это сделал — через три вечера — и все же я остановил твою убийственную руку!»

Лазаря охватило головокружение; он глубоко вздохнул. «Господин, если угодно, я не понимаю, что вы имеете в виду». Он покачал головой. «Если вы остановили мою руку, как утверждаете, то я не мог бы сделать ничего подобного — даже через три вечера».

На что Хьюгон ответил: «Это милость Божья, мой астролог и его чудесная оконная табличка ...»

«Лунное окно, милорд», — любезно вмешался Альбеард.

«Именно тот самый», — подтвердил Хьюгон, продолжая: «И благодаря дару Альбеарда и его — благословенной машине — я могу видеть события еще до того, как они произойдут. Воистину, я видел свою собственную судьбу ...»

Хьюгон повернулся и провозгласил перед всем залом: «— Как будущий царь многих королевств!»

Его солдаты подняли оружие и закричали, словно хор ликующих. Хьюгон улыбнулся, прежде чем замолчать.

Он спокойно опустил руку в зал. Повернувшись к Лазарю, он заявил: «Потребуется больше, чем...»

«Летающий человек и кинжал, чтобы разрушить мою Богом данную судьбу».

Лазарь посмотрел на Альбеарда; однако облаченный в мантию человек лишь ответил прищуренным взглядом и кивнул, поправляя пергаменты перед собой. Мужчина вытащил перо из углубления, высушил его кончик и, не отрывая внимания от дальнейших приготовлений,

— сообщил Хьюгон: — Ваше Высочество, пора.

Хьюгон кивнул и приказал Лазарю оставаться на месте. Затем он ступил на каменную платформу, обошел стол и бросил на него кинжал.

Вернувшись к своему частично обугленному креслу, Хьюгон обратился ко всем присутствующим в зале: «Все мои воины знают об этом порядке вещей — я буду соблюдать полную тишину». Затем он повернулся к слуг замка. «И я ожидаю, что мои новые слуги будут соблюдать то же самое. При этом каждая женщина должна заботиться о ребёнке, находящемся рядом с ней; и каждая должна отвечать за беспокойство, причиняемое её ребёнку. Мои люди должны быстро пресекать любое беспокойство — даже наносить удары! Не заблуждайтесь на мои слова, поскольку нет оправдания для торга, как только это произойдёт». Готово! Теперь приступайте к своим новым ролям!

Женщины бросились к собравшимся слугам, хватая детей и таща их к ним. Их груди, прижимая пальцы к губам и яростно шепча им на ухо. Дети кивали, женщины укачивали их, и в воздухе воцарялось новое спокойствие.

Хьюгон оглянулся через плечо и обратился к хору облаченных в мантии сановников и рыцарей, выстроившихся вдоль стены. Он махнул им рукой, отмахиваясь, и сказал: «Отойдите от нас; освободите место для откровения». Как волна, толпа начала расходиться, оставив место только для Хьюгона и его астролога. Он повернулся и указал на Лазаря, произнеся короткое и злое предупреждение: «Двигайтесь или говорите — и умрете». Затем он щелкнул пальцами в сторону ряда арбалетчиков, стоявших у потрепанных двойных дверей зала, и жестом указал на него. Они подчинились, направив луки на Лазаря.

Лазарус затаил дыхание, переводя взгляд с Хьюгона на астролога, а затем на хор переминающихся с ноги на ногу мужчин позади них и за столом. И, пока мужчины продолжали расходиться, дальше по стене Лазарус снова увидел лицо лорда Д'Альсикура. и встретились с ним взглядом. Однако Д'Альсикур не двинулся с места вместе с остальными мужчинами; он оставался неподвижно стоять на месте, его взгляд был холодно устремлен на него. А Лазарь покачал головой и пожал плечами, молча задавая вопрос: «Почему?» И в тот момент Лазарус прекрасно понял причину, по которой Д'Альсикур продолжал держаться от него на расстоянии. Прежде чем он успел прийти в себя от шока, Лазарус издал громкий шипящий звук, который взволновал весь зал — ведь у лорда Д'Альсикура не было туловища; вместо этого его обезглавленная голова поддерживалась лишь шестом высокого напольного канделябра .

«Поднимите луки! Завоюйте его!» — крикнул Хьюгон. Солдаты бросились по его приказу, и когда арбалетчики подняли оружие, а соседний ряд мечников вырвался из своих рядов и окружил Лазаря тесным кругом обнаженных мечей. «Если он

«Движения, пронзи его насквозь!» Затем он обратился непосредственно к Лазарю: «Запрещаю всякую дьявольскую речь и демонические крики! Летающий ты или нет; если ты снова зашипишь на меня, ты умрешь на месте».

«Не делай этого ...»

"Тишина!"

Лазарь отвернулся; однако со всех сторон он видел лишь поднятые лезвия. Капля пота выступила у него перед глазами; уши горели, и в памяти вспыхнул образ монаха Клодия и его поднятой трости для наказания.

Хьюгон, нетерпеливо щелкая пальцами и указывая на Лунное окно, бросился в противоположную от астролога сторону .

Астролог положил обмакнутое в жидкость перо на чистый пергамент и расположился прямо перед зеркальной тарелкой.

По всему залу не было слышно ни кашля, ни чихания, нарушающих предписанное состояние тишины; астролог сидел, замороженный сливающимся светом Лунного окна.

Лазарус сосредоточил взгляд на мужчине; его пронзительный взгляд слился со светом отражающей пластины штатива . Бровь мужчины нахмурилась, а глаза, словно у хищной птицы, устремились в бесконечность. Губы мужчины задрожали, когда он что-то пробормотал себе под нос, и Хьюгон осторожно отступил, чтобы не беспокоить его.

Хьюгон украдкой обошел Альбеарда сзади, заглядывая ему через плечо, и посмотрел на пустой пергамент. Загипнотизированный астролог, хотя и был полностью поглощен своим устройством, выписывал слова, в то время как Хьюгон беззвучно произносил их про себя:

Место, где дикие животные собираются вместе с шакалами.

Демоны собираются вместе, выкрикивая оскорбления.

В состоянии покоя, сидя над совиными гнездами.

Тень свирепого ангела покоится

Разжигание похоти, подобной той, что побуждает украсть Его семя.

Во снах эта Королева Демонов порождает потомство

Она вела спарринг с мужчиной, в то время как она ...

Астролог повернулся к Хьюгону, чье лицо ярко пылало в свете Лунного окна.

«Боже, нет!» — выдохнул он, и глаза его наполнились слезами.

Хьюгон откинулся назад, задумавшись. «Бог знает что?»

Внезапно Лунное окно привлекло внимание двух мужчин, поскольку теперь оно сияло голубоватым оттенком, а в самом его центре точка более яркого голубого света распространялась наружу, разрастаясь.

в лазурное кольцо, которое медленно расширялось наружу и к круглому периметру латунного зеркала.

«Что это за новинка?» — спросил Хьюгон, отступая от астролога и его Лунного окна. «Что происходит?» — Он вытащил кинжал со стола. «Что с тобой происходит?»

Астролог, одновременно посмеиваясь и плача, посмотрел на Хьюгона снизу вверх. Он пожал плечами. «Это его мать».

Он перекрестил большой палец лба, словно в знак креста, и, продолжая смеяться со слезами на глазах, поднялся на ноги и повернулся лицом к Югону. «Святой Дионисий, защити нас».

Хьюгон прижал кинжал к груди астролога. «Приди в себя! Скажи мне!»

Мужчина невнятно попытался ответить: «Его мать... нет... мы не можем говорить о ней, милорд!»

Он схватил Хьюгона за руку. «Не здесь; не сейчас! Нет!»

Хьюгон повернулся и сбил «Лунное окно» со стола, отчего оно полетело через весь зал.

Оно остановилось перед испуганными слугами. Он приставил лезвие к шее астролога. «А что с его матерью?»

Мужчина испачкался и заплакал.

Хьюгон стал настаивать: «Кто она?»

«Это она... умоляю вас, милорд».

Хьюгон прижал лезвие к своей челюсти.

«Это она: Лил... милорд, мы не должны!»

Ухогона потекла струйка крови. «Маленький... маленький кто?»

«Нет, — настаивал астролог, — милорд, не сейчас!»

«Сейчас же!» — прорычал Хьюгон.

«Лилит! Хейлель! Люцифаэль! Морнингстар! У неё много имён!» — воскликнул он, прежде чем упасть без сил. упасть на пол и превратиться в эгоцентричного, рыдающего человека.

«Вахум! Вахум!» — издали раздавался боевой рог за пределами зала замка. Хьюгон обратил внимание на наполовину закрытые железные двустворчатые двери зала и жестом приказал своим людям лучше укрепить вход. Снаружи зала, между далекими и настойчивыми призывами к оружию, Хьюгон услышал поспешные приказы о немедленной обороне за двустворчатыми дверями, которые перекрывали друг друга ужасными криками умирающих солдат. Двери Звуки кулаков и алебард сотрясали воздух, а напряжение усиливалось приглушенными криками о неотложности.

Внутри зала воцарилась гробовая тишина, сотни глаз были прикованы к двойным дверям. Лазарь взглянул на сбившихся в кучу слуг и заметил одинокого мальчика, пробирающегося сквозь плачущих детей и женщин. Мальчик присел у Лунного окна и стал искать взгляда Лазаря, когда тот его заметил.

С блеском в глазах он жестом указал на Лазаря, приложил палец к губам, затем взял Лунное Окно и незаметно вернулся туда, откуда пришёл. Лазарь обратил свой взор на Югона и застал его кружащимся и обращающимся к голове Д'Альсикура: «Что, во имя Бога ...»

Внешне короткий взгляд Хьюгона говорил о попытке выведать из него хоть какое-то откровение. Возможно, он каким-то образом раскрыл бы свою стратегию, какой бы абсурдной она ни была, которая могла бы включать в себя нападение на него после того, как он захватит вражеские укрепления. Однако он быстро отбросил в сторону отрубленную голову и свои собственные бессвязные расчёты и повернулся к потрясённому астрологу. «Кто она ? Что это за демоница с множеством имён?»

БУМ! Колоссальный взрыв сотряс зал до основания. Слуги и солдаты разбежались в разные стороны, когда поток кровельных камней обрушился на самый центр зала; мощь взрыва чуть не сбила с ног всех охранников .

Обломки посыпались с крыши, плотный столб пыли опустился на пол и, разрастаясь, заполнил каждый уголок зала клубами песка и пепла. И после этого — в тот короткий, успокаивающий момент, когда люди неуклюже пришли в себя — когда последняя пыль осела и тишина опустилась на зал, словно затаенное дыхание...

Женщины и дети закричали; мужчины бросились прятаться; и кольцо мечников убежало от Лазаря, оставив его присевшим у пола и выглядевшим так, словно он был готов наброситься на открывающуюся перед ним сущность. Прижав уши, широко раскрыв глаза, расправив крылья и приготовив клыки, Лазарь зашипел на то, что показал исчезающий зверь. Перед ним Свиной Великан взмахнул крыльями, взмахнул когтями в воздухе , поднял клыки и представился с оглушительным ревом, способным сотрясти даже Стеновые камни.

Под обрушившимися сводами потолка массивные дубовые колонны по очереди раскалывались и ломались под меняющимся весом опорных камней. Постепенно, подобно рушащейся Вавилонской башне, еще большая часть крыши зала теряла свою опору. Целые секции обрушивались. Все их камни падали на землю, словно сокрушительный удар молота Тора , сметая ряды солдат. Невредимые люди сражались со Зверем, а лучники и арбалетчики обрушивали на него оружие, забрасывая ближайшую сторону застрявшими болтами и стрелами. Великан взревел и покачнулся, чтобы встретиться с ними лицом к лицу, когда вторая волна стрел попала ему в цель. Однако он лишь тяжело зарычал и не сделал никакого шага вперед. Вместо этого он отмахнулся от них и бросил свои черные глаза на Лазаря. «Убей его!» — закричал Хьюгон, нырнув за стол и бросившись через пол. Он быстро перебежал через свернувшуюся калачиком и плачущую астролога, а затем спрятался под ней.

стол. Одетые в мантии высокопоставленные лица последовали его примеру, толпясь у нижней части стола; и Он сражался вместе с ними, защищая свою территорию.

Лазарь пристально смотрел на Свиного Великана, отступавшего за край стола.

И он наблюдал за движениями сгорбленного великана, который продолжал двигаться вперед с раскрытыми когтями и расправленными крыльями, в то время как стрелы пронзали стенки его щетинистой и бескровной шкуры. Лазарь остановился и резко развернулся; прислонившись спиной к стене, он испепеляющим взглядом посмотрел на крылатого великана. Глаза к глазам — летающий человек и летающий зверь — Лазарь принял столь же непреклонную позу; присев, он раскинул руки под расправленными крыльями и издал злобное шипение.

Великан фыркнул и бросился на Лазаруса, размахивая могучими когтями, которые отбросили стол в сторону. Но прежде чем стол разлетелся на щепки — еще до того, как он ударился о стену, — Чудовище пронзило другой конечностью толпу людей, заставив их перевернуться с ног на голову по полу зала и превратиться в бесформенную груду искалеченных останков. В крепкой хватке когтей Демона Хьюгон мог бы показаться лишь ошеломленной и хрупкой куклой. Лазарус повернулся, чтобы убежать, и великан бросился вперед, ударив кончиками клыков о стену. Пойманный в ловушку Лазарус медленно обернулся и в этот момент увидел в глазу огра свое отражение — отражение самого Эльджо, проявившееся на его блестящей черной поверхности. Волосы Лазаруса развевались на зловонном дыхании Чудовища. Чудовище прижало Лазаря к стене, зажав его между клыками.

«Помоги... мне... летающий человек!» — прохрипел Хьюгон, сжимаясь в тугом клубке. Чудовище прижало Хьюгона к своим клыкам, приблизив его к Лазарю; Хьюгон начал кашлять и хихикать, словно найдя какой-то мрачный юмор в этом невероятно ужасном моменте. Он посмотрел на Лазаря, обвиняя его: «Ты сам наколдовал этого Чудовище! Летающего христианина ты называешь?» — в то время как великан оттащил широкоглазого ухмыляющегося человека от Лазаря, повернул его боком и начал жевать костный мозг его головы.

Поток стрел и копий обрушился на Чудовище, когда Лазарь пригнулся, перекатился под массивными клыками и восстановил равновесие. Он бросился к двойным дверям и остановился перед лучниками из арбалетов. Но Чудовище бросилось ему вслед. Солдаты подняли оружие над Лазарем и обстреляли его морду стрелами, в тот момент, когда он развернулся и полетел в другую сторону, за пределы зала. Сквозь пыль и обломки, которые продолжали сыпаться с потолка, Лазарь увидел звезды сквозь огромную дыру в потолке; однако стремительно движущийся гигант удержал его от прямого выстрела в ночное небо.

Комната задрожала, по стенам зала пробежали расширяющиеся трещины, которые быстро спускались с потолка, словно черные молнии; камни стен рассыпались, превращаясь в руины. Лазарус расчистил противоположную сторону платформы и бросился мимо тройной арки, которая укрывала теперь уже ушедших женщин и детей. Внезапно контрфорсные колонны рухнули, и на него обрушилась лавина камней, падающие обломки сбили его с ног. Он покатился и вскочил на ноги, когда огр зарычал под градом камней — и он увидел гораздо большую дыру в потолке с приветливым черным небом и морем звезд. В тот же миг небо исчезло за массивными расправленными крыльями Зверя, который двинулся к нему. Затем он остановился и подул.

Лазарус поспешно обдумал ситуацию — казалось, что Чудовище знало о его желании сбежать через зияющую дыру и бросало ему вызов. Учитывая очевидную быстроту Свиноподобного Великана, он не сможет развить достаточную скорость при крутом подъеме, чтобы увернуться от его огромных крыльев. Более того, Лазарус понял, что в том счастливом случае, если ему удастся вырваться из когтей Чудовища в полете, у Чудовища, безусловно, будет такое же преимущество — а по опыту он знал, что не сможет увернуться от мощных крыльев Чудовища, поднимаясь в небо. Все это Лазарус обдумал и тут же отбросил, от точки опоры и прикрепил болтами дальше по стене.

Он бросился в направлении, откуда солдаты сначала сопроводили его в зал; и он устремился к теперь уже безлюдному входу, ведущему вглубь замка. Сквозь рассыпавшийся раствор, изрешеченный стрелами великан бросился в погоню, быстро прокладывая путь сквозь груды камней и обломков. И в мгновение, возможно, неразделимое ни по восприятию, ни по какому-либо конкретному событию, Лазарь прорвался через вход, даже когда тот взорвался; взрыв рассыпающихся камней швырнул его на пол. Но он откатился на ноги, когда великан вонзил голову глубоко в коридор, чтобы рыть землю, реветь и бить клыками по разрушающимся стенам. Лазарь бросился вперед, побежал, обогнул угол и спустился по винтовой лестнице, примыкавшей к нижнему коридору замка. Он спрыгнул к подножию лестницы и снова обернулся, оглянувшись назад, чтобы увидеть огромную волну камней, высыпающихся из проема лестницы и обрушивающихся на него. Взмахи клыков рассекали камни, обнажая массивную, впивающуюся в землю голову преследующего Зверя. Стены зала выгнулись наружу, а потолок обрушился вокруг колоссального тела Зверя, поскольку меньшие размеры коридора не могли вместить его массу. И все же монстр продолжал двигаться вперед, все глу

Лазарь бросился по коридору и пролетел мимо знакомой грубой двери своего дома.

прежнее заточение. Он пробирался по извилистым коридорам, обогнул арку и остановился. Перед ним, там, где он ожидал увидеть приветливую железную дверь, лежала высокая груда мертвых солдат. Он двинулся дальше и заметил знакомое лицо у основания груды — гигантского рыжеволосого солдата с сонным взглядом, смотрящего в никуда, за исключением лежащего рядом сломанного рукояти меча. Сквозь грохот рушащегося замка раздался оглушительный рев Зверя, который быстро подтолкнул его к тому, чтобы вытащить тела из этой груды. Один за другим он перемещал убитых солдат и выстраивал их у стены, и с каждым ревом Зверя — с каждым сотрясением его нового удара — стены вокруг Лазаря содрогались от смещения и обрушения камней. И когда он достаточно отодвинул мертвецов от двери, он перебрался через оставшиеся трупы и попытался открыть железную защелку двери, которая отказывалась поддаваться. Он стучал по защелке, в то время как каменные плиты под ним сдвигались. Раствор вылился из-под входа в шахту, а железная дверь прогнулась под обрушающимся каменным ос

«Открой!» — крикнул Лазарь, тяжело ударив плечом по двери. И так же быстро защелка разлетелась вдребезги, петли оторвались от каменного раствора; он упал на порог постепенно обрушивающейся, запыленной ямы. Однако сквозь бурлящий воздух его обдало вечерним ветерком, и он увидел над головой бескрайнее звездное небо. Он вскочил на ноги, подпрыгнул и, хлопнув крыльями, ухватился за самый край ямы. Он выбрался наружу, встал на ноги и стал смотреть на восточное небо, где восходила луна.

Лазарь вдохнул, взмахнул крыльями и приготовился лететь; как вдруг из ямы раздался голос христианского пленника: «Лазарь, помоги нам!» Он обернулся и взгляделся в пелену пыли и темноты, увидев заключенных, которые боролись со своими цепями и пытались вытащить прикрепленные к ним кандалы из обрушающейся стены ямы.

БУМ! Двор задрожал под сапогами Лазаря, намекая на непоколебимую решимость Свиного Великана прорыть себе путь через весь коридор и выбраться из ямы вслед за Лазарем. Внезапно Лазарь увидел, как христианин упал на спину, его цепь освободилась от рушащейся стены. Точно так же северянин ударил ногой по обломкам камней и сорвал с себя кандалы.

Лазарь склонился над ямой, яростно размахивая руками и крича: «Брось мне свою цепь!» Христианин бросил свободный конец своих оков в Лазаря. Лазарь схватил цепь и вытащил пленника из ямы, откатив его в сторону и крикнув северянину: «Теперь твой! Поспеш!»

В свою очередь, великан бросил свою цепь, а христианин помог Лазарю вытащить его в безопасное место. «Вы оба должны бежать! К нам приближается великое зло!» — предупредил их Лазарь, прежде чем броситься в темноту.

Северянин катался по земле, морщась от боли в сильно ушибленном локте, когда увидел Кристиана, который, подняв руки вверх, обходил территорию, пытаясь успокоить и удержать большого белого жеребца. И когда испуганная лошадь попыталась прорваться мимо него, Кристиан несколько раз увернулся, пытаясь помешать ей убежать. Северянин крикнул, прижимая руку к себе: «Значит, ты собираешься украсть еще одного коня?»

Кристиан бросил на него короткий гневный взгляд. «Нет, я собираюсь спасти коня от великого зла». А теперь вставай и помоги мне!

Однако пострадавший мужчина с севера просто перевернулся на бок и снова почувствовал боль.

Бах! Рядом с ним стены ямы обрушились внутрь, камни быстро заполнили пустоту, а из ямы поднялся столб пыли. Северянин вскочил на ноги и бросился к христианину, быстро предложив: «Ну, если мы хотим спасти его — и всё остальное — Христианин бросил ему свободный конец цепи и велел отступить и соорудить импровизированный передвижной забор, чтобы забаррикадировать Зверя. В считанные мгновения они загнали коня в угол двора. Христианин забрался на коня, помог своему товарищу сесть позади него, пришпорил коня и вывел его из двора к воротам замка. Белый конь пронесся мимо крепостных стен и, грохоча по земле, понесся диким галопом.

«Значит, летающий человек спас тебя из самой преисподней! Что ты на это скажешь, северянин?» — спросил христианин, обернувшись через плечо и перекрикивая грохот копыт.

Северянин, перекрикивая завывающий ветер, крикнул: «Нет, летающий человек украл тебя у славной Валькирии; так что, я полагаю, твой человек из племени Я-Зевс собирается подождать тебя еще немного?»

«О, Он не против», — крикнул ему в ответ христианин. «Хотя, я не думаю, что твои семьдесят семь дев будут столь же снисходительны!»

Северянин решительно похлопал его по плечу. «Следи за своим языком, христианин».

Бывшие шахтёры галопом промчались по залитой лунным светом равнине навстречу ночной свободе, заметив мерцающую луну и крошечный, но всё ещё отчётливый силуэт одинокого летящего человека, пролетающего сквозь круглое лунное окно золотистых оттенков.

[Конец главы 16]

Это литературное произведение было создано d исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~